

ГЕРОД АТТИК И «ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Во II в. н. э. Римская империя достигла своего расцвета. Установился долгожданный гражданский мир. Правление жестоких и деспотичных императоров сменилось «золотым веком» Антонинов. Об экономическом подъеме империи свидетельствуют данные археологии. Даже небольшие города украшались храмами, портиками, термами, театрами, стадионами. Было обнаружено огромное количество статуй и еще большее количество надписей, относящихся к этому времени.

В области культуры Рим признал приоритет греков. Поэтому в культурной жизни империи большую роль играло «греческое возрождение». Обращение к прошлому Греции встречалось в самых различных областях — литература этого времени получила название «второй софистики», живопись переживала филэллинскую фазу, в скульптуре господствовал неоаттицизм, вошли в моду греческие имена, восстанавливались старые названия городов и районов, применялись греческие меры веса. Однако апогей, которого достиг Рим в рассматриваемый период, был началом конца, первые признаки которого проявились в кризисе III века. Формирующийся бюрократический аппарат свел на нет значение республиканских магистратур. Существующий параллельно с сенатом «совет принцепса» принял на себя решение наиболее важных вопросов в жизни империи. В результате усилилось давление государства на общество, которое в дальнейшем способствовало падению Римской империи. В социально-экономической жизни появилось новое явление, получившее впоследствии широкое развитие, — колонат. Происходил упадок политической активности провинций. Начавшись с потери самостоятельности в решении внешней политики, этот процесс завершился в III в. отказом провинциальной аристократии участвовать в общественной жизни городов.

Возможно, подражательный характер, который носили искусство и литература этого времени, — также свидетельство начинающегося упадка. «Греческое возрождение» в лице отдельных представителей, главным образом греков, могло быть своеобразной формой неприятия современной римской действительности». На примере Герода Аттика, фигуры очень яркой и колоритной для своего времени, можно проследить ряд характерных явлений в жизни римского общества. Герод Аттик

был одним из богатейших людей провинции Ахайя, на средства которого велось грандиозное строительство по всей Греции, известным политическим деятелем, сделавшим блестящую карьеру сначала в Афинах, а потом в Риме, наконец, он был одним из наиболее выдающихся представителей «греческого возрождения».

О Героде упоминают многие современные ему авторы: Лукциан (Luc., Dem., 24, 33; De mort. Per., 19—20), Павсаний (Paus., I, 19, 6; II, 17; III, 3, 6; III, 32, 1; VI, 21, 2; VII, 20, 6; X, 32, 1), Авл Геллий (Aul. Geil., Noctes Atticae, I, 1, 2; I, 9, 2; I, 19, 2; II, 5, 5; X, 32, 1), М. Корнелий Фронтон (Fronto, Epistulae, ad. M. Caes., I, 5; II, 8; III, 2—4; IV, 2).

Героду посвятил одну из самых больших биографий Филострат в своем сборнике «Жизни софистов» (Phil., Vitae sophist., II, 1). О нем упоминает Дион Кассий (Cass. Dio LXXI, 35, 1) и авторы Historia Augusta (Vit., Marc; II, 4). Надписи, относящиеся к Героду Аттику, столь многочисленны, что это дало повод Диттенбергеру, занимавшемуся историей семьи Герода, заметить: «Едва ли известна вторая личность греческой древности, для которой литературные свидетельства падают в такой значительной степени подтверждение в надписях, как для Герода Аттика»¹. Данная работа ставит своей целью рассмотреть лишь один из многочисленных вопросов, связанных с личностью Герода, а именно его отношение к движению, получившему название «греческое возрождение».

По мнению ряда исследователей, II век был временем самого широкого распространения идеи космополитизма. Этому мнению придерживается Г. Бауэрсок в книге «Греческие софисты в Римской империи»²: «В этой великой οἰκουμένη греки и римляне жили вместе, участвуя в дружбе и управлении без принесения в жертву национальной независимости». В качестве примера обычно фигурирует личность императора Адриана, иногда Марка Аврелия. Именно так трактует правление Адриана В. Михайловский в работе «Космополит на троне Цезарей»³. Х. Рутледж⁴ в статье «Герод Великий — гражданин мира» рассматривает всю деятельность Герода — политиче-

¹ Dittenberger W. Die Familie des Herodes Atticus. Hermes, 1877, XXIII, S. 57.

² Bowersock G. W. Greek sophists in the Roman empire. Oxford, 1969, p. 16.

³ Михайловский В. Космополит на троне Цезарей. 1885, с. 179—199.

⁴ Rutledge H. C. Herodes the Great: citizen of the world. — «The classical Journal», 1960, v. 56, no. 3, p. 97—108.

скую, строительную, преподавательскую — как воплощение идеи космополитизма. Он считает, что огромное влияние на совсем еще юного Герода оказал первый приезд Адриана в Афины и все последующие годы своей жизни Герод вдохновлялся примером императора—филэллина. Трудно согласиться с данной точкой зрения. Эллинские увлечения Адриана и Герода, по нашему мнению, различны по характеру. Адриан много сделал для Афин, но еще более грандиозное строительство было предпринято им при создании виллы в Тиволи, где он пытался воспроизвести все чудеса света, виденные им во время многочисленных путешествий. Адриан посвятился в Элевсинские мистерии, но с таким же интересом он относился к прорицаниям египетского оракула. Наконец, в своих литературных увлечениях Адриан обратился к римской, а не греческой старине. Возможно, своим эллинским интересам он отдавал предпочтение и именно благодаря этому получил официальное признание «греческий ренессанс» с его безумной жадностью строительства в Афинах, изучением древних авторов, многочисленными туристами и студентами, устремившимися в Грецию.

Однако отношение Герода к греческой старине было совсем иным. К Героду никак нельзя отнести определение, данное в статье Итало Лана: «Космополитизм — это распространение идеи отечества на весь мир»⁵. Для Герода родиной являлась только Греция. Его связывали с «вечным городом» интересы карьеры, честолюбие, понимание невозможности борьбы с Римом, но никак не «растворение одной нации в другой»⁶. Герод был бесконечно последователен в своей любви ко всему греческому. Его литературная и строительная деятельность доказали это в полной мере. Более того, представляется возможной мысль о том, что увлечения Герода — это не просто интерес к греческой культуре в той ее стадии, когда она достигла высшего развития. Нет, Герод, как наиболее яркий представитель «греческого возрождения», стремился, обращаясь к прошлому, забыть о современной римской действительности. Он сделал попытку поднять престиж современной ему Греции, воссоздавая ее святилища и храмы, максимально приближая ораторское искусство II в. к аттическим образцам классической эпохи.

⁵ *Lana I.* *Tracce di doctrine cosmopolitiche in Grecia...* — *Rivista di Filologia*, Torino, 1951.

⁶ *Bowersock G. W.* *Op. cit.*, p. 15.

Важнейшей составной частью «греческого возрождения» являлась «вторая софистика». Изменившиеся политические условия с необходимостью породили новую форму ораторского искусства. На первый план в «новой софистике» выдвинулось эпидейктическое показательное красноречие: «Новая монархия объявила сразу войну свободе слова и вскоре совершенно подавила политическую речь. С той поры еще держалась в литературе второстепенная отрасль красноречия в виде адвокатских защитительных речей, но высшее ораторское искусство и ораторская литература, опирающаяся на политическую борьбу, неизбежно и навсегда исчезли вместе с нею»⁷.

Другой особенностью «новой софистики» было обращение к прошлому, подражание известным мастерам классической эпохи. «Подражание — не кража, — говорит автор «Трактата о возвышенном», — его можно сравнить со слепком, сделанным с прекрасного творения человеческих рук или разума»⁸. По-видимому, это убеждение разделяли софисты нового времени. Подражание древним пронизывает все ораторское искусство Герода. Известно, что Героду особенно удавались показательные выступления, когда он трактовал сюжеты из древней истории. Соревнуясь с Александром Пелоплатоном, Герод произнес речь об афинянах после разгрома сицилийской экспедиции. Когда он описал отчаянье афинян, осознавших весь ужас своего поражения, Пелоплатон, состязавшийся с Геродом в красноречии, признал себя побежденным: «Мы все, другие софисты, лишь часть твоего великого таланта, Герод», — сказал он⁹.

Единственная дошедшая до наших дней речь Герода «О форме правления» также относится к событиям, ушедшим в далекое прошлое, к тому же, в отличие от первых двух сюжетов, еще и малоизвестным. Вопрос об авторстве породил дискуссию. Длительное время автором речи считался Герод. Однако в 1897 году Ю. Белох подверг это сомнению. Он пришел к выводу, что язык, стиль, содержание речи не могут относиться ко II в. н. э. По его мнению, она была написана неизвестным автором на рубеже V—IV вв. до н. э.¹⁰

Большинство историков — В. Констанци, Э. Мейер, Х. Хасс, Э. Дрерун, Ю. Моррисон, К. Вейд-Джери считали, что созда-

⁷ Моммзен Т. История Рима, т. 3. М., 1887, с. 547.

⁸ Трактакт о возвышенном. М.—Л., 1966, XIII, 4.

⁹ Philostratus. Vitae sophistarum. Paris, 1858, II, 58.

¹⁰ Beloch J. Griechische Geschichte, II, 1897, S. 132.

ные речи относятся ко времени Пелопоннесской войны, и поэтому она может служить ценным историческим источником. В противовес им филологи-классики утверждали, что речь является декламацией II в. н. э. и принадлежит Героду или софисту, жившему в одно с ним время. Это Э. Роде, В. Шмид, Ю. Вилламовиц-Меллендорф, Ю. Мюншер, А. Кнокс, А. Буланже, а также историки Ю. Келлер, Ф. Адкок, М. Кэри, П. Грендор, Ю. Карштад, О. В. Кудрявцев.

Автор данной статьи присоединяется к тем ученым, по мнению которых автором речи был Герод¹¹.

Герод трактует чрезвычайно узкий сюжет из фессалийской истории. Оратор убеждает ларисян присоединиться к войне против Архелая на стороне Спарты. Возможно, образцом, которому Герод следовал при написании речи, послужила речь Трасимаха Халкедонского «За ларисян».

Лучшую характеристику стилистических особенностей речи дает Е. Роде: «Тон речи в целом приглушенный, эффекты редкие и не очень сильные, выбор слов очень прост, украшение фигурами умеренное и нигде не применяется бессмысленно, оратор осторожен в аргументации — очень тонкой, естественной, едва ли не сухой»¹². По-видимому, главным достоинством речи является не стиль, а язык. Он удивительно приближен к языку классической эпохи и лишь изредка встречающиеся формы *κοινη* выдают произведение II в. н. э.

Поскольку из многочисленных произведений Герода уцелела только речь, несомненный интерес представляют надписи, найденные на постаментах статуй в гробницах родственников или друзей софиста, которые, по мнению большинства ученых, были составлены самим Геродом¹³.

Герод был исключительно несчастлив в личной жизни. Почти все, кого он глубоко и искренно любил, умерли преждевременно и в молодом возрасте. Таковы трое из четырех его детей — две дочери — Эльпиника и Афинаида и сын Герод Регилл, его любимые ученики — Ахилл, Мемнон и Полидевк, возможно, умершие во времени эпидемии чумы в Афинах, и две

¹¹ *Rhode E.* Die Asianische Rhetorik und zweite Sophistik. Rheinische Museum, 1886, S. 185; *Münscher K.* Pauly Real-Encyclopädie. Stuttgart, 1913, v. VIII, 951—954; *Wilamowitz-Möllendorf U. V.* Der Rhetor Aristides. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. Wissensch. XXVIII, phil.-hist. Klasse, 1925, S. 335.

¹² *Rhode E.* Op. cit., S. 185.

¹³ *Oliver J. H.* The Athenian expounders of the sacred and ancestral law, Baltimore, p. 109.

дочери вольноотпущенника Алкимедонта, погибшие от удара молнии. Особенно тяжело Герод переживал смерть Ахилла, Полидевка и Мемнона, так как, по словам Филострата, они были «прекрасны, благородны и стремились к знанию»¹⁴. Герод, тоскуя по безвременно скончавшимся любимцам, поставил их многочисленные изображения в своих имениях, по-видимому, в тех местах, которые напоминали ему о днях, когда они были еще вместе¹⁵. Сообщение Филострата подтверждается находкой надписей, на основании которых становится известно, что здесь Герод купался, охотился, приносил жертвы богам вместе со своими любимыми учениками¹⁶. (Особенно часто находят изображения Полидевка. В разных районах Греции археологи обнаружили до 150 его герм, что дало исследователям основание сравнивать его с Антиноем Адриана¹⁷). Короткие надписи на постаментах сопровождаются проклятиями в адрес того, кто осмелится сдвинуть или опрокинуть изображение¹⁸. Эти проклятия, несомненно, свидетельствуют об арханческих увлечениях Герода. По стилю и языку они удивительно напоминают аналогичные тексты, сохранившиеся от классической эпохи. Подписи к статуям, составленные самим Геродом, отличает лаконизм и использование старых оборотов речи. Одна из них относится к Регилле, жене Герода: «Анния Регилла, жена Герода, свет дома, которой принадлежала эта земля»¹⁹. Во второй упомянут опальный дед Герода Гиппарх: «Гиппарх, отец Аттика»²⁰. В третьей встречается имя Ахилла: «Герод—Ахиллу. Чтобы я мог видеть тебя, я, так же как и всякий другой, который проходит мимо. Пусть сохранится память о дружбе, которая была между нами. Я посвящаю тебя Гермесу, охраняющему пастухов»²¹. Последняя относится к самому Героду: «Герод здесь прогуливался»²². Эти надписи, возможно, подтверждают данные Филострата о том, что Герод в качестве образца для подражания избрал строгого и лаконичного Крития²³.

¹⁴ *Phil.*, Vitae sophist., II, 1, 24.

¹⁵ *Phil.*, *ibid.*, II, 1, 24.

¹⁶ IG, II—III², 3, 1, 3969—3974.

¹⁷ *Graindor P.* Un milliardaire antique: Herode Atticus et sa famille. Le Caire, 1930, p. 38; *American Journal of Archaeology*, v. 58, 1954, p. 255.

¹⁸ IG, II—III², 3, 2, 13200, 13204—13206.

¹⁹ *Hülsem S.* Zu den Inschriften des Herodes Atticus. *Rheinische Museum*, 1890, S. 287.

²⁰ *Ἀθήνα*, 1906, p. 439.

²¹ *Bulletin de Correspondance Hellenique*, 38, 1914, p. 357.

²² *Ibid.*, 1920, 44, p. 173.

²³ *Phil.* Vitae sophist., II, 1, 35.

Биограф софиста отмечает его многочисленные письма и считает их отличительной особенностью преувеличенный аттицизм²⁴. Филострат цитирует ряд писем Герода, среди адресатов софиста Авидий Кассий, Фаворин, Вар, Юлиан, император Марк Аврелий. Последнее имя заставляет предположить, что Филострат был знаком с письмами Герода, опубликованными так же, как переписка Марка Аврелия с Фронтонем.

Любопытным с точки зрения греческих увлечений Герода является письмо к Юлиану, в котором Герод Аттик описывает удивительного юношу, появившегося в Аттике. Этот Геракл Агатнион (так называет его Герод) питается только молоком и плодами, которые приносят земля. Он занимается охотой на кабанов, волков и сожалеет, что «Акарнания не кормит больше львов», с которыми он мог бы сразиться. Однако больше всего Герод восхищается не силой и выносливостью юноши, а чистотой его аттической речи. В письме Герод приводит разговор с Агатнионом, который отвечает на расспросы Герода следующим образом: «Сельская местность в Аттике — лучшая наставница тех, кто стремится правильно говорить. Учителя в городе, берущие плату с молодежи, собирающейся из Понта, Фригии и из других варварских государств, портят свой язык, нежели делают лучше их речь. В центральных же районах Аттики, которые свободны от варваров, сохраняется чистый аттический диалект»²⁵. В этом отрывке примечателен ни на минуту не ослабевающий интерес Герода ко всему, что связано с проблемами языка классической Греции.

Наконец, в числе произведений Герода Филострат называет «Записки», по-видимому, представляющие собой сборники фрагментов из сочинений древних авторов и краткие конспекты прочитанной литературы. Филострат характеризует эти произведения как «мудрость древних, собранную в один прекрасный букет»²⁶.

Современники очень высоко ценили талант Герода: они называли его «царем слов»²⁷, «языком Афин»²⁸, сравнивали с Демосфеном²⁹, причисляли к десяти аттическим ораторам³⁰. Несомненно, не последнюю роль в этих восторженных отзывах

²⁴ *Philostratus. Opera*, Lipsiae, 1871, p. 257.

²⁵ *Phil. Vitae sophist.*, II, 1, 13.

²⁶ *Ibid.*, II, 1, 36.

²⁷ *Ibid.*, II, 17, 2.

²⁸ *IG*, XIV, 1389.

²⁹ *Phil. Op. cit.*, II, 27, 7.

³⁰ *Ibid.*, II, 1, 35.

играло богатство Герода. Однако, по-видимому, Герод вызывал у соотечественников искреннее восхищение своим изумительным знанием древней литературы и неповторимым умением подражать лучшим ее представителям. Об этом свидетельствует преподавательская деятельность Герода. Изучение древних авторов и стремление максимально к ним приблизиться было главной целью занятий в школе Герода.

Больше всего сведений сохранилось о клепсидрии³¹. Так назывался небольшой кружок, составленный из десяти самых любимых и талантливых учеников Герода (по-видимому, по числу десяти аттических ораторов). Клепсидрия собиралась на вилле Герода в Кефисии. Иногда эти сборища носили настолько неофициальный характер, что принимали форму небольшого пиршества чрезвычайно интеллигентного свойства. Ученик Герода, опустошив бокал, произносил речь, подражая кому-либо из древних ораторов. Время, отведенное оратору, измерялось водяными часами, отсюда название *Privatissimum* Герода. По-видимому, умение аттицизировать стояло в школе Герода на самом высоком уровне, если участник клепсидрии Амфикл спрашивал оратора Филагра после окончания речи: «У кого из древних ты встречал это слово?»³². Слово, случайно проникшее в речь Филагра из современного ему языка, вызывало недоумение у тех, кто состоял в кружке. Один из учеников Герода, известный оратор Элий Аристид, говорит в своей «Риторике»: «Я не пользуюсь словами, не засвидетельствованными у древних»³³. Ученики Герода безмерно восхищались своим учителем. Элиан называет его самым разнообразным из ораторов³⁴. Геллий ценит возвышенность и утонченность его стиля³⁵.

Таким образом, Герод с его великолепным знанием древней истории и литературы и максимально точным аттическим словоупотреблением играл значительную роль в ораторском искусстве своего времени. В. Шмид полагает, что именно благодаря Героду в этот период получили такое широкое распространение лексиконы аттической речи и аттицизм одержал окончательную победу над ораторами азиатского направления³⁶.

³¹ *Ibid.*, II, 10, 1—4.

³² *Ibid.*, II, 8, 1.

³³ *Ael. Arist., Rhet.*, II, 6.

³⁴ *Phil. Op. cit.*, II, 31, 3.

³⁵ *Aul. Gell. Noct. Att.*, XIX, 12, 1.

³⁶ *Schmid W. Op. cit.*, S. 202; *Müncher K. Op. cit.*, S. 948.

Обширный круг учеников Герода, среди которых были Марк Аврелий и Люций Вер и такие известные ораторы и писатели своего времени, как Элий Аристид и Элиан, показывает, что аттицизм Герода получил полное признание среди современников³⁷.

Однако любовь Герода к греческой культуре не ограничивалась его ораторским искусством. Греция II в. н. э. была не только университетом — *domicilium studiorum*, но и музеем, куда приезжали осматривать шедевры древней архитектуры и скульптуры. В этом отношении центральное положение занимали Афины. К прекрасным старым памятникам, таким, как Парфенон и Эрехтейон, добавились новые сооружения. Особенно прославился в деле украшения Афин император Адриан. Пример Адриана вдохновил многих меценатов того времени. Среди них в первую очередь следует назвать Герода.

В современных Афинах одна из самых зеленых и красивых улиц города носит имя Герода Аттика. Она ведет к стадиону, который в древности был построен на его средства. О том, что софист, увенчанный венком на Великих Панафинях, обещал согражданам украсить стадион белым мрамором к следующему празднику, сообщает Филострат³⁸. Павсаний добавляет, что он израсходовал на это сооружение все запасы пентеликонского мрамора и временно истощил карьер³⁹. Филострат считал его наряду с афинским одеоном Герода лучшим из всего, что было создано в Римской империи⁴⁰.

Второе знаменитое сооружение Герода в Афинах — одеон, построенный в память о Регилле. Здание предназначено для музыкальных состязаний, но, возможно, служило также для выступлений знаменитых ораторов, философов и писателей. Сиденья в нем были сделаны из белого мрамора, а потолок из кедра — материала, который очень ценился в древности даже при изготовлении статуй⁴¹. Павсаний считал, что одеон Герода превосходил красотой театр в Патрах, самый прекрасный из всех, по мнению современников⁴². В триопейской песне одеон сравнивается с храмом: «Строение, подобное храму воздвигли Афины в ее (Региллы) честь»⁴³.

³⁷ *Cass. Dio*, XXI, 35, 1; *Historia Augusta Vita Veri*, II, 4.

³⁸ *Phil.*, *op. cit.*, II, 1, 8.

³⁹ *Paus.*, I, 19, 6; X, 32, 1.

⁴⁰ *Phil.*, *op. cit.*, II, 1, 3.

⁴¹ *Ibid.*, II, 1, 8.

⁴² *Paus.*, VII, 20, 6.

⁴³ IG XV, 1389.

Для жителей Коринфа, относительно которого было высказано предположение, что Герод владел там значительной земельной собственностью, Герод так же, как в Афинах, построил театр⁴⁴. С этим сооружением можно связать надпись Совета Коринфа, в которой Герод назван «сыном Эллады»⁴⁵.

Деятельность софиста не ограничивалась сооружением зданий практического назначения. Он стремился восстановить почетное положение греческой религии. Герод построил в Афинах храм Тюхэ, поставив внутри изображение богини, сделанное из золота и слоновой кости⁴⁶. В храме Афины он заменил старую статую покровительницы города новой⁴⁷. В Дельфах Герод посвятил Аполлону стадион⁴⁸. В храме в Беотии была найдена надпись в честь дочери Герода, Эльпиники, что, по-видимому, свидетельствует о приношениях Герода в этот храм⁴⁹. Герод поставил новые мраморные изображения Деметры и Коры в храме богинь в Олимпии⁵⁰, за что благодарные жители избрали его женой жрицей Деметры. После смерти Региллы Герод пожертвовал все драгоценности жены в Элевсинский храм⁵¹. Он превратил ее имение в Италии в священный участок, посвятив его Деметре⁵². По-видимому, с Элевсином у Герода были особенно тесные связи, благодаря его происхождению из рода Кериков⁵³.

Одним из самых великодушных жертвований Герода жителям Эллады была олимпийская экседра. Даже скептицизм Лукнана отступает перед щедростью этого дара. Он рассказывает, как зрители на олимпийских состязаниях чуть не поблили Перегрина, когда тот «злословил о выдающемся по образованию и значению человеке, который помимо других оказанных Греции благодеяний провел воду в Олимпии и устранил мучительный недостаток воды среди собирающихся на празднества»⁵⁴. Герод посвятил экседру от имени Региллы — Зевсу. Раскопки 1877 г., которые производили немецкие ученые, обнаружили остатки этого монументального сооружения; оно

⁴⁴ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8.

⁴⁵ IG II—III², 3, 1, 3604.

⁴⁶ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8.

⁴⁷ IG, II—III², 3, 1, 3191.

⁴⁸ *Phil.*, op. cit., II, 1, 9.

⁴⁹ Bulletin de correspondance Hellenique, 16, 1892, p. 404.

⁵⁰ *Paus.*, VI, 31, 2.

⁵¹ *Phil.*, op. cit., II, 1, 19.

⁵² IG, XIV, 1389—1392.

⁵³ *Phil.*, op. cit., II, 1, 1; IG, XIV, 1389.

⁵⁴ Лукнан. О смерти Перегрина, 19.

состояло из нескольких бассейнов и постройки, украшенной огромным количеством статуй, изображающих членов семьи Герода и представителей правящего дома, покровительствовавших Героду⁵⁵.

Несомненный интерес представляет скульптура, которая украшает почти все постройки Герода. В руинах афинского стадиона были обнаружены две гермы, по-видимому, обозначающие повороты на треке. Они являются подражанием гермам Алкамена Старшего, скульптора первой половины V в. до н. э.⁵⁶ Среди обломков одсона в Афинах была найдена мраморная голова Афины или Афродиты. Полировкой лица, золочеными волосами она напоминала работы времен Фидия⁵⁷.

Герод очень любил статуи, выполненные в хрисозлефантинной технике, которая имела широкое распространение в классический период. Таково изображение Тюхэ в ее храме в Афинах и многочисленные статуи, которыми Герод наполнил истмийское святилище⁵⁸. Павсаний описал скульптурную группу, которую Герод посвятил в храм Посейдона на Истме⁵⁹. Она представляла собой колесницу, в которой стояли Посейдон и Амфитрита, окруженные дельфинами и морскими богами. Коня, впряженные в колесницу, были сделаны из золота и слоновой кости. Таким образом, и в скульптуре, украшавшей постройки Герода, он также стремился приблизиться к работам древних мастеров.

Интересно заметить, что благодеяния Герода в отличие от благотворительности других эвергетов Греции ставили своей целью повысить престиж современной Героду Эллады, а не заслужить благодарность сограждан. Достаточно вспомнить в этой связи историю с завещанием Аттика. Герод предпочитал создавать великолепные сооружения и делать грандиозные пожертвования в святилища, нежели устранять раздачи, чтобы снискать расположение афинского плебса. Даже белые одежды, которые он подарил эфебам, предназначались для украшения элевсинской процессии, поскольку до этого юноши участвовали в процессии одетые в черное. Сколь большое значение придавал Герод эллинским праздникам, показывают Великие Панафины, которые отмечались на средства софиста

⁵⁵ *Olympische Inschriften*, 610—628.

⁵⁶ *Graindor P.* Op. cit., p. 183.

⁵⁷ *Graindor P.* Op. cit., p. 223.

⁵⁸ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8—9.

⁵⁹ *Paus.*, II, 1, 7.

с таким великолепием, что о них вспоминали спустя столетие во времена Филострата⁶⁰.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что Герод являлся одним из наиболее выдающихся представителей «греческого возрождения». Однако применительно к Героду представляется невозможным рассматривать это движение только как направление в развитии культуры. Столь широкое обращение к прошлому, проявившееся в самых различных областях, для самих греков было попыткой доказать, что «прошлое все еще существует»⁶¹. Это активное увлечение воспоминаниями было связано с зависимым и подчиненным положением Греции. Именно отсутствие политической свободы заставляло представителей греческой аристократии уходить от тягостной для них действительности и обращаться к пройденным периодам истории, которые по контрасту казались им столь привлекательными.

Несмотря на видное положение, которое занимал Герод в Греции, ему постоянно приходилось испытывать на себе тяжелую власть Рима. Многочисленные судебные процессы, которыми было оравлено существование софиста, каждый раз сопровождались доносами в Рим. Первое судебное разбирательство в жизни Герода произошло в 138 г. после смерти его отца Аттика. Отец Герода оставил уникальное в своем роде завещание: он распорядился ежегодно выдавать каждому афинянину по одной мине. Герод понимал, что систематические выплаты фактически лишают его наследства. Он нашел достаточно остроумный выход из создавшегося положения. Герод предложил афинянам заменить ежегодные раздачи единовременной выплатой пяти мин. Получение столь значительной суммы было слишком заманчиво, чтобы афиняне нашли в себе силы отказаться. Когда же они пришли за обещанным, то оказалось, что Герод вычел из причитающейся им суммы их многочисленные долги его отцу и делу. В результате, не получив пяти мин, афиняне лишились и ежегодных раздач. Их возмущению не было границ. Началось судебное расследование⁶². Дело Герода немедленно стало известно в Риме, о чем свидетельствует переписка Фронтоня с Марком Аврелием. Фронтон стремится представить дело Герода в самом худшем виде: «Следует говорить о людях свободных, жестоко избитых и ог-

⁶⁰ *Phil.*, op. cit., II, 1, 7.

⁶¹ *Bowie E. L. Greeks and their past in the second sophistic.* — «Past and Present», 1970, no. 46, p. 36.

⁶² *Phil.*, op. cit., II, 1, 6.

рабленных, из которых один был даже убит, следует говорить о сыне нечестивом и не помнящем отцовских просьб, следует укорять в жестокости и жадности, а Герода в этом следует представлять как некоего палача»⁶³. Возможно, не последнюю роль в этой характеристике сыграло чувство соперничества, поскольку Фронтон, так же как и Герод, был учителем М. Аврелия. М. Аврелий был встревожен конфликтом, возникшим между двумя его бывшими наставниками, и пытался удержать Фронтон от выпадов в адрес Герода. Однако Герод долго не мог забыть нанесенной ему обиды и примирился с Фронтоном лишь спустя много лет⁶⁴.

Антиримские настроения Герода должны были усилиться после смерти его жены Региллы. Жена Герода происходила из богатого и знатного римского дома. Когда она умерла, ее брат Брадуа обвинил Герода в убийстве своей сестры. Филострат считает обвинение ложным и показывает, с каким раздражением и гневом обрушился Герод на своего обидчика: «Ты имеешь знаки благородного происхождения только на сандалиях»⁶⁵, — кричал Герод на суде, указывая на полумесяцы из слоновой кости, украшавшие сандалии римских патрициев. По-видимому, возмущение Герода было неподдельным, и софист был оправдан.

Интересные данные по поводу отношений Герода с его римскими родственниками получаются при сопоставлении надписей, собранных в работе Х. Оливера⁶⁶. Указания о консулате Герода появляются только в тех надписях, где упоминается Регилла или ее родственники. Создается впечатление, что Герод сознательно подчеркивал свое высокое общественное положение, чтобы не уронить достоинство эллина в глазах римлян.

В Афинах у Герода было немало врагов. Филострат называет их имена — Праксагор, Мамертин, ритор Теодот, во главе оппозиции стоял Демострат⁶⁷. Из сочинения Филострата известно, что в борьбе за политическое преобладание в городе враги Герода прибегали к помощи римских наместников Греции. Противники Герода, пригласив в экклесию братьев

⁶³ *Fronto*, ad M. Caes. III, 3.

⁶⁴ *Bowersock G. W.* Op. cit., p. 99—100.

⁶⁵ *Phil.*, op. cit., II, 1, 18.

⁶⁶ *Oliver H.* The Athenian exponents of the sacred and ancestral law. Baltimore, 1950, p. 110.

⁶⁷ *Graindor P.* Op. cit., p. 117; *Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1955, с. 188

Квинктилиев, управлявших Элладой в 171 г.⁶⁸, обвинили Герода в тирании, прося довести это до сведения императора. Герод выдвинул контробвинение, заявив, что враги сплачивают и пагубавают против него афинский народ⁶⁹.

Демострат, Праксагор и Мамертин не стали ждать результатов этого собрания, а тайно — по-видимому, с целью опередить Герода — поехали в ставку М. Аврелия в Сирмию, чтобы предстать с доносом перед императором. Обстоятельства сразу же сложились не в пользу Герода. Его противникам удалось привлечь на свою сторону Фаустину, которая сыграла на любви мужа к маленькой дочери: «Он (Марк Аврелий) проявлял к ним (врагам Герода) человеколюбие, так как сам склонялся на их сторону и кроме того был убежден женой и еще лепечущей дочерью. Больше же всего на него подействовало следующее: приласкавшись к отцу, малышка упала перед ним на колени и умоляла отца спасти афинян»⁷⁰. Враги Герода внушили императору, что Герод был единомышленником Люция Вера. Филострат сообщает, что Марк Аврелий распространил свои подозрения в отношении Люция Вера и на Герода, «считая его соучастником своего соправителя»⁷¹.

Сторонники Демострата тщательно подготовились к процессу. Даже Филострат, у которого вся биография Герода выдержана в панегирических тонах, хвалит необычайное разнообразие речи, с которой выступал на суде Демострат⁷². Возможно, в ее составлении принимал участие бывший ученик Герода, известный софист Теодот, не осмелившийся, однако, сам выступать на процессе. Герод, напротив, пришел на суд подавленный случившимся накануне несчастьем. В ночь, предшествовавшую процессу, молнией были убиты дочери его вольноотпущенника Алкимедонта, к которым он после смерти своих детей относился как к родным дочерям⁷³.

Потрясенный гибелью девочек и раздраженный непрерывными выпадами своих противников, Герод не нашел нужным сдерживаться на суде. Он упрекал императора в несправедливости и в недостатке доверия: «Так-то ты платишь мне за гостеприимство Люцию, которого ты сам ко мне послал»⁷⁴.

⁶⁸ Bowersock G. W. Op. cit., p. 100.

⁶⁹ *Phil.*, op. cit., II, 1, 25.

⁷⁰ *Ibid.*, II, 1, 27.

⁷¹ *Ibid.*, II, 1, 26.

⁷² *Ibid.*, II, 1, 32.

⁷³ *Ibid.*, II, 1, 27.

⁷⁴ *Ibid.*, II, 1, 28.

Герод не пощадил в своей речи и близких родственников Марка Аврелия, говоря: «Ты приносишь меня в жертву жене и трехлетней дочери»⁷⁵. За дерзость префект претория пригрозил Героду смертью. Герод, бросив в ответ: «Смешно старику бояться», — вышел из суда, даже не использовав времени, отведенного ему для защиты⁷⁶.

По-видимому, этот процесс кончился для Герода неблагоприятно. Марк Аврелий наказал его вольноотпущенников, исключив из их числа Алкимедонта, считая, что с того достаточно случившегося с ним несчастья. Относительно самого Герода ходили слухи, что он был отправлен в ссылку в город Орик.

Филострат пытается опровергнуть эти данные, говоря, что Герод оставался в Орике, потому что заболел, а после выздоровления его удерживало желание восстановить город⁷⁷. Впрочем, одно не исключает другого. Вполне возможно, что перенесенное потрясение и сам процесс подкосили силы софиста, и он заболел в том городе, куда был отправлен по приговору суда. Благотворительность Герода была столь обширна, что он даже ссылку использовал для восстановления города, пришедшего в упадок.

Каждый шаг Герода становился известным римским властям, и он, несомненно, тяготился подобным положением. Герод нередко сталкивался с римскими магистратами. Братьев Квииктилев, осуждавших его за излишнее, по их мнению, количество статуй любимцев, наполнивших всю Элладу, он осыпал жестокими насмешками⁷⁸. Столкнувшись на узкой тропе в ущелье Иды с правителем Азии М. Антонином, будущим императором, Герод отказался уступить ему дорогу⁷⁹.

В условиях Римской империи Герод не мог осуществить свои многочисленные честолюбивые замыслы. Филострат сообщает, что заветной мечтой Герода было прорыть канал через Истм, чтобы оставить о себе память в будущих поколениях. Однако он не решился этого сделать, боясь обвинения, что берется за дело, которое оказалось не под силу императору⁸⁰. По-видимому, и в Афинах Герод не удовлетворялся той властью, которую предоставляли римские магистраты грече-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid., II, 1, 30.

⁷⁸ Ibid., II, 1, 24—25.

⁷⁹ Ibid., II, 1, 17.

⁸⁰ Ibid., II, 1, 10.

ской аристократии. Отсюда его столкновения с Квинктилиями и обвинение со стороны противников в стремлении к тирании⁸¹. Возможно, оппозиционные настроения Герода выразились в его отношении к опальному деду Гиппарху, который был казнен при Домициане и все имущество которого было конфисковано⁸². Герод поставил статую Гиппарха в своем имени в Кинурии. Вполне возможно, что Герод, делая это, известным образом рисковал, поскольку надпись на постаменте отличается необыкновенным лаконизмом⁸³. Во второй половине своей жизни Герод прекратил общественную деятельность. После смерти Региллы он отказался от повторно предложенного консулата⁸⁴. Затем Герод покинул пределы Афин и поселился в Кефисии, посвятив себя полностью преподавательской деятельности⁸⁵. Авл Геллий сообщает, что в имени Герода говорили только по-гречески, хотя среди учеников Герода было немало римлян, а сам Герод, несомненно, в совершенстве владел латинским языком⁸⁶. Тем не менее, несмотря на оппозиционные настроения, Герод никогда не принимал участия в борьбе с Римом. По-видимому, он понимал бессмысленность этой борьбы и проделал весь *cursus honorum* не только в Афинах, но и в Риме, именно этим объясняются его тесные контакты с правящим домом — сначала в лице Адриана, затем Антонина Пия и особенно Марка Аврелия.

С одной стороны, Герод понимал трудность и преждевременность борьбы с Римом, а с другой, он не мог примириться с зависимым положением Греции и ограниченными возможностями греческой аристократии на политическом поприще в своей стране. Выходом из создавшегося положения было его обращение к прошлому.

К Героду как нельзя лучше можно отнести слова Т. Моммзена, характеризующего положение Греции в рассматриваемый период: «Для настоящего политического честолюбия, стремящегося к каким-либо деяниям, для страсти какого-либо Перикла или Алкивиада в этой Элладе не было места, за исключением, пожалуй, письменного стола»⁸⁷.

⁸¹ Ibid., II, 1, 25.

⁸² Ibid., II, 1, 3.

⁸³ *Ἀθήνη*, 1906, p. 439.

⁸⁴ *Phil.*, op. cit., II, 1, 19.

⁸⁵ Ibid., II, 1, 10.

⁸⁶ *Aul. Gell.*, Noct. Att., II, 1, 2.

⁸⁷ Моммзен Т. История Рима, т. 5. М., 1949, с. 246.